INTERNATIONAL JOURNAL OF SCIENTIFIC RESEARCHERS
ISSN: 3030-332X Impact factor: 9,493 Volume 17, issue 1, Aprel 2026
https://wordlyknowledge.uz/index.php/IJSR worldly knowledge
Index: google scholar, research gate, research bib, zenodo, open aire.
https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=wosjournals.com&btnG
https://www.researchgate.net/profile/Worldly-Knowledge
https://journalseeker.researchbib.com/view/issn/3030-332X

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНЫХ СИСТЕМАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Тураев Сайдулло Абдуллаевич
независимый соискатель
saydulloturayev@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются политико-правовые основы использования искусственного интеллекта в судебных системах зарубежных стран. Рассматриваются ключевые модели регулирования внедрения ИИ, включая европейскую риск-ориентированную модель, централизованную модель «умных судов» Китая и прецедентную модель США. Особое внимание уделяется международным стандартам, сформированным в рамках Европейской этической хартии CEPEJ и Руководства ЮНЕСКО, а также их влиянию на развитие национальных правовых систем.

Проводится анализ преимуществ и рисков применения ИИ в судебной деятельности, включая проблемы алгоритмической предвзятости, непрозрачности («чёрного ящика»), приватизации судебной власти и нарушения принципов состязательности. Обосновывается авторская позиция о недопустимости замещения судебного усмотрения алгоритмическими решениями и необходимости сохранения человеко-центричного подхода в правосудии.

Вводятся и раскрываются такие научные категории, как «алгоритмически управляемое правосудие» и «эпистемологическая зависимость суда от алгоритма». Делается вывод о том, что перспективное развитие судебных систем связано с формированием модели когнитивного партнёрства человека и искусственного интеллекта при условии обеспечения баланса между эффективностью, прозрачностью и защитой прав человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, цифровизация правосудия, алгоритмическая предвзятость, прозрачность алгоритмов, право на справедливый суд, алгоритмически управляемое правосудие, судебное усмотрение, когнитивное партнёрство, цифровой авторитаризм.

В третьем десятилетии XXI века судебные системы находятся в состоянии глубокой трансформации, обусловленной внедрением технологий искусственного интеллекта (далее в тексте “ИИ”). По своему значению данный процесс сопоставим с переходом от устного к письменному судопроизводству, поскольку он затрагивает не только форму, но и содержание осуществления правосудия. Использование ИИ перестало быть предметом теоретических дискуссий и стало ключевым элементом национальных стратегий развития судебных систем[1]. При этом формирование политико-правовых основ внедрения ИИ отражает сложный баланс между стремлением к повышению эффективности судебной деятельности и необходимостью соблюдения фундаментальных прав человека, включая право на справедливое судебное разбирательство[2].

Актуальность внедрения ИИ обусловлена системными проблемами традиционных судебных систем, включая перегруженность судов, длительность рассмотрения дел и ограниченный доступ к правосудию[3]. В условиях роста количества правовых споров и усложнения общественных отношений традиционные механизмы правосудия демонстрируют снижение своей адаптивности. Пандемия COVID-19 выступила

катализатором цифровизации правосудия, ускорив внедрение дистанционных технологий, электронного документооборота и автоматизированных систем анализа данных[4]. Вместе с тем она выявила и новые риски, связанные с цифровым неравенством, снижением качества судебного разбирательства и угрозами независимости судебной власти.

Формирование международных стандартов использования ИИ в судебной сфере началось с признания того, что данная технология не является нейтральной, поскольку отражает особенности обучающих данных, а также ценностные установки разработчиков[5]. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для правосудия, где любые искажения могут привести к нарушению прав и свобод человека. Важнейшим документом в данной области является Европейская этическая хартия CEPEJ (2018 г.), закрепляющая принципы соблюдения прав человека, недискриминации, прозрачности, качества и контроля со стороны пользователя[6]. Указанный документ формирует нормативную основу «человеко-центричного» подхода к использованию ИИ, в рамках которого технология рассматривается исключительно как инструмент поддержки судебной деятельности[7].

Развитие международных подходов получило дальнейшее отражение в Руководстве ЮНЕСКО по применению ИИ в судах (2025 г.), которое расширяет рамки регулирования, включая вопросы инклюзивности, культурной адаптации и управления рисками[8]. В данном документе особое внимание уделяется проблеме «алгоритмического доверия», когда судьи могут чрезмерно полагаться на выводы ИИ, что способно привести к снижению уровня критического анализа доказательств. В этой связи вводится концепция «системной целостности», предполагающая обязательное прекращение использования ИИ в случае выявления угроз правам человека[9].

Наиболее комплексная правовая модель разработана Европейским союзом в рамках Акта об искусственном интеллекте[10]. Данный акт вводит риск-ориентированную классификацию систем ИИ и устанавливает строгие требования к их применению в судебной сфере. Отнесение судебных ИИ-систем к категории высокого риска свидетельствует о признании их потенциального воздействия на фундаментальные права и свободы человека[11]. Европейская модель характеризуется превентивным регулированием, направленным на предотвращение негативных последствий ещё на этапе разработки технологий. В то же время она подвергается критике за избыточную регуляторную нагрузку, способную замедлить инновационное развитие.

В отличие от европейского подхода, Китай реализует централизованную модель «умных судов», предполагающую глубокую интеграцию ИИ в судебный процесс[13]. Данная модель основана на создании единой цифровой инфраструктуры, обеспечивающей обмен данными между судами, правоохранительными органами и иными государственными институтами[14]. Использование ИИ позволяет автоматизировать значительную часть судебных процедур, включая анализ доказательств и подготовку проектов решений. Однако требование обоснования отклонения от рекомендаций алгоритма свидетельствует о формировании новой формы институционального давления на судью[15].

На наш взгляд, китайская модель представляет собой форму «алгоритмически управляемого правосудия», при которой искусственный интеллект выступает элементом системы контроля, что создает предпосылки для трансформации судебной власти в административно-ориентированный механизм принятия решений.

Американская модель характеризуется децентрализованным регулированием и формированием правовых подходов через судебную практику. В деле State v. Loomis (2016 г.) суд признал допустимость использования алгоритма COMPAS, однако установил ограничения, направленные на сохранение роли судьи[16]. Несмотря на это, проблема «чёрного ящика» алгоритмов остаётся нерешённой[17].

Полагается, что американская модель демонстрирует институциональный компромисс, при котором технологии внедряются быстрее, чем формируется их правовое осмысление. Это создает ситуацию «догоняющего регулирования», при которой право реагирует на уже возникшие риски.

Отдельного внимания заслуживает опыт малых государств, таких как Эстония и Сингапур, где ИИ используется для повышения доступности правосудия[18]. В этих странах реализуется прагматичный подход, ориентированный на решение конкретных управленческих задач. Однако подобные модели применимы преимущественно в условиях развитой цифровой инфраструктуры и высокого уровня доверия к государственным институтам.

Вместе с тем внедрение ИИ сопровождается рядом фундаментальных вызовов. Во-первых, возникает противоречие между эффективностью и качеством правосудия[19]. Ускорение судебных процедур не всегда означает повышение их справедливости. Во-вторых, серьёзной проблемой является алгоритмическая предвзятость[20], которая способна воспроизводить социальные неравенства. В-третьих, наблюдается тенденция к «приватизации» судебной власти[21], когда ключевые функции анализа передаются частным компаниям.

Особую угрозу представляет нарушение принципов состязательности и равенства сторон[22]. Использование сложных алгоритмов ограничивает возможность их понимания участниками процесса, что фактически подрывает право на защиту. В этой связи автор предлагает рассматривать **алгоритмическую прозрачность** как самостоятельный принцип процессуального права.

Дополнительно следует отметить феномен **«эпистемологической зависимости суда от алгоритма»**, при котором судья, даже сохраняя формальную независимость, психологически ориентируется на выводы ИИ. Это ведёт к постепенному смещению центра принятия решений от человека к технологии.

В ответ на данные вызовы формируются механизмы правовых гарантий, включающие раскрытие информации об использовании ИИ, внедрение explainable AI и создание специализированных органов контроля[23]. Однако их эффективность во многом зависит от институциональной зрелости судебной системы.

Перспективы развития связаны с внедрением генеративных моделей ИИ, способных формировать тексты судебных актов и анализировать правовые позиции[24]. Это требует пересмотра самой природы судебного рассуждения. В частности, возникает вопрос: может ли алгоритм обладать «юридической логикой» в классическом понимании, или же он лишь имитирует её?

На наш взгляд, в долгосрочной перспективе судебная система будет развиваться по модели **«когнитивного партнёрства» человека и ИИ**, где технология усиливает аналитические возможности судьи, но не заменяет его ценностное суждение. В противном случае возникает риск формирования «цифрового авторитаризма»[25], при котором правосудие утрачивает свою гуманистическую природу.

Таким образом, анализ зарубежного опыта позволяет сделать вывод о том, что внедрение ИИ в судебную деятельность является неизбежным, но крайне

чувствительным процессом. Его успех зависит не столько от технологического уровня, сколько от способности правовой системы адаптировать новые инструменты без утраты своих фундаментальных принципов.

Ключевым направлением дальнейшего развития должно стать формирование сбалансированной модели, сочетающей эффективность, прозрачность и защиту прав человека. Только при таких условиях искусственный интеллект сможет стать фактором укрепления, а не эрозии судебной власти.

Использованные источники

1. AI in Compliance-Driven Industries: A Regional Perspective.
URL: https://www.progress.com (дата обращения: 20.04.2026).
2. Using Artificial Intelligence to Enhance Judicial Efficiency. Vilnius University Press.
3. Implications of Digitalization and AI in the Justice System.
URL: https://lawandworld.ge
4. Risks and challenges to e-justice principles. URL: https://jedem.org
5. Ethical Challenges of Using AI in Judiciary. URL: https://arxiv.org
6. European Ethical Charter on the Use of AI in Judicial Systems. CEPEJ, 2018.
7. CEPEJ Artificial Intelligence in Justice Systems. Council of Europe.
8. UNESCO Guidelines for the Use of AI in Courts and Tribunals. 2025.
9. UNESCO AI and Judiciary Report. URL: https://www.unesco.org
10. EU Artificial Intelligence Act. European Parliament, 2024.
11. Artificial Intelligence and Judicial Cooperation. URL: https://eucrim.eu
12. Article 5: Prohibited AI Practices. URL: https://artificialintelligenceact.eu
13. AI in Global Judicial Systems. Stimson Center.
14. AI on the Bench: Future of Judicial Systems.
15. Smart Courts in China: Legal Analysis.
16. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016).
17. Algorithmic Due Process and AI. Harvard Law Review.
18. Digital Transformation in Justice Systems. ResearchGate.
19. Judicial Efficiency and Fair Trial Rights.
20. Bias in Artificial Intelligence Systems.
21. Digitisation of Justice and Private Actors.
22. Equality of Arms in Criminal Proceedings.
23. Explainable AI in Legal Systems.
24. AI in Judicial Decision-Making. Cambridge University Press.
25. AI and Liberal Democracy Challenges.